

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

МЕНА БЕСЕРМЯНСКИХ ШИПЯЩИХ И СВИСТЯЩИХ АФФРИКАТ ПАЛАТАЛЬНЫМИ СОГЛАСНЫМИ

Исследованию аффрикат в финно-угорских языках, в том числе и пермских, посвящен ряд специальных работ.¹ Общепермские \check{c} , \check{c}' , \check{z} и \check{z}' известны всем удмуртским диалектам. Есть они и в языке особой этнической группы удмуртов — бесермян.

Бесермянские шипящие аффрикаты \check{c} , \check{c}' , \check{z} качественно отличаются от соответствующих общепермских звуков; мягкая \check{c} произносится с наличием очень небольшого взрывного элемента, почти как свистящий \acute{s} (*čšeber* 'красивый', *čsorog* 'рыба', *čšuret* 'твердый', *pečši* 'маленький', *wačše* 'вдвоем', *kečs* 'заяц', *mečs* 'мяч' и др.); твердые \check{c}' и \check{z}' произносятся значительно мягче, чем в удмуртском литературном языке, они напоминают английские *tʃ* и *dʒ* (ср. бес. *žek* 'стол' и англ. *Jack*, бес. *čep* 'дым', англ. *chink* 'звенеть', бес. *čep-* 'делать зарубку; рубить сруб', англ. *cheap* 'дешевый'), мягкая свистящая аффриката \check{z} произносится с минимальным присутствием свистящего элемента, образуя $d\check{z}$ -образный звук (*džadžaj* 'старший брат; младший брат матери', *džanem* 'милый, возлюбленный', *džar* 'зарево' и т. п.).

Кроме указанной особенности, в бесермянском диалекте наблюдается явление деаффрикатизации по линии устранения фрикативного элемента, т. е. шипящие и свистящие аффрикаты заменяются палатальными согласными: аффрикаты \check{c} , \check{c}' переходят в мягкий глухой взрывной *t*, аффрикаты \check{z} и \check{z}' заменяются звонким взрывным *d*. Но не всякие аффрикаты переходят во взрывные. Согласными *t* и *d* заменяются они при определенном условии: если за этимологической аффрикатой следует один из фрикативных согласных звуков (*s*, *š*, *š'* или *ž*).

Переход $\check{c} > t$. По законам удмуртского языка в следующем после \check{c} слогe не могут быть \acute{s} или твердый *s*, т. е. свистящие звуки; шипящие \acute{s} и \acute{z} встречаются. Для бесермянского диалекта совершенно недопустимо наличие двух (и более) шипящих в пределах одного слова. Таким образом, если в последующем слогe слова выступает какой-либо шипящий звук, то предыдущий \check{c} закономерно переходит в *t*. Примеры: *taž* (лит. *čaj*) — звукоподражание шуму сильного дождя, *tažort^one* (лит. *čajжиртыны*) 'шуметь, трещать', *tež* (лит. *čöž*) 'утка', *težane* (лит. *čöжаны*) 'охотиться на диких уток', *težmer* (лит. *čöжмер*) 'горноста́й',

¹ Y. H. Toivonen, Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten. — FUF XIX 1928; T. E. Uotila, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen (= MSFOu LXV), Helsinki 1933.

težmeranə (лит. *čõžмераны*) 'охотиться на горностаев', *težpi* (лит. *čõжпи*) 'утенок', *težə* (лит. *čõжы*) 'молозиво', *tuž* (лит. *čуж*) 'желтый', *tužekt^θnə* (лит. *čужектыны*) 'желтеть, пожелтеть', *tužon* (лит. *čужон*) 'метла, метелка', *tuž^θnə* (лит. *čужыны*) 'мести, подмести', *təžanə* (лит. *čыжаны*) 'пинать, лягать', *tužjet* (лит. *čужѣем*) 'солод', *təžekt^θnə* (лит. *čыжектыны*) 'покраснеть, разругаться', *təžə-vəžə* (лит. *čыжы-выжы*) 'родня, родственник; род', *taš* (лит. *čаш*) 'шум, галдеж', *tašet^θnə* (лит. *čашетыны*) 'шуметь, галдеть', *taštər* (лит. *čаштыр*) — звукоподражание шуршанию, шелесту сухих листьев, *taštərt^θnə* (лит. *čаштыртыны*) 'шуршать, шелестеть', *jərfaša* (лит. *йырčаша*) 'череп', *toš* (лит. *čош*) 'вместе, дружно', *tošanə* (лит. *čошаны*) 'поравняться, сравняться, выравняться', *tošat^θnə* (лит. *čошатыны*) 'сравнивать, сравнять, подравнивать', *tošen* (лит. *čошен*) 'вместе, совместно', *toškət* (лит. *čошкыт*) 'ровный, плоский', *tuškanə* (лит. *čушканы*) 'опалить, спалить, подпалить', *tuškon* (лит. *čушкон*) 'полотенце', *tušjal* (лит. *čушъял*) 'еж', *tašja* (сев.-удм. *čašša*) 'лес', *tuš^θnə* (лит. *čушыны*) 'стереть, утереть, подтереть'.

Переход $\check{c} > t$. Аффриката \check{c} замещается мягким взрывным t в том случае, если в последующем слоге имеется звук s или \check{s} . Примеры: *fars* (ср. приитин. *čars*) 'черствый (хлеб)', *tas* (лит. *čas*) 'час, часы', *fərs* (лит. *чырс*) 'кислый', *taskəl* (лит. *часкыл*) 'мятник', *fastəška* (лит. *частвушка*) 'частвушка', *taš* (лит. *часть*) 'часть (воинская)', *taša* (лит. *чача*) 'игрушка; цветок', *tešeg* (лит. *чечег*) '(зоол.) трясогузка', *fərs^θnə* (лит. *черсыны*) 'прясть', *feskət* (лит. *ческыт*) 'сладкий, вкусный', *tesnok* (лит. *чеснок*) 'чеснок', *tešə* (лит. *чечы*) 'мед', *tus* (лит. *чус*) 'тихо, беззвучно; безмолвно', *tusom^θnə* (лит. *чусомыны*) 'утихнуть, затихнуть', *tərcanə* (лит. *чырсаны*) 'киснуть, закиснуть', *tərcet* (лит. *чырсэт*) 'дрожжи; закваска', *utastok* (лит. *участок*) 'участок', *efəš^θnə* (лит. *эчешыны*) 'спорить, дискутировать, держать пари', *zarfaš* (сев.-удм. *zarčaš*) 'запчасти (запасные части сельскохозяйственных орудий)'.

Если нет отмеченных выше условий для перехода $\check{c} > t$, то \check{c} со специфическим звучанием сохраняется. Ср. *čabej* (лит. *чабей*) 'пшеница', *čag* (лит. *чаг*) 'лучина', *čurət* (лит. *чурыт*) 'твердый', *čorəg* (лит. *чорыг*) 'рыба', *čərtə* (лит. *чырты*) 'шея', *čeber* (лит. *чебер*) 'красивый' и т. д.

Переход $\check{z} > d$. После твердого \check{z} в удмуртском языке могут следовать слоги лишь с шипящими согласными; свистящие, как и при \check{c} , не встречаются. В бесермянском диалекте при наличии в последующем слоге шипящего звука начальный \check{z} переходит в d . Примеры: *dož* (лит. *жож*) 'обида, печаль', *dožkənə* (лит. *жожкыны*) 'обижаться, выражать недовольство', *dožom^θnə* (лит. *жожомыны*) 'огорчаться, досадовать, печалиться', *dižanə* (лит. *жужаны*) 'всходить, восходить', *dəžə* (лит. *жыжы*) 'жнивье (солома, оставшаяся после жатвы на корню)', *dožon*

(лит. *жожон*) 'толокно (готовое к употреблению)', *đužet* (лит. *жуужыт*) 'высокий', *dəž* (лит. *жыжэ*) 'истлевший', *maðes* (лит. *мажес*, ср. приитин. *mažes*) 'грабли', *đuš* (лит. *жуш*) 'брюшина', *đuštənə* (лит. *жуштыны*) 'стонать', *dažə* (лит. *жажы*) 'полка' и т. д.

Переход $\dot{z} > d$. Для этого перехода необходимо, чтобы \dot{z} предшествовал фрикативным согласным *s*, *ś* или *z*, *ž* следующего слога; в этом случае, выступая в виде мягкого взрывного *d*, аффриката \dot{z} теряет фрикативный элемент, т. е. деаффрикатизируется. Примеры: *dažeg* (лит. *зазег*) 'гусь', *dažegpi* (лит. *зазегпи*) 'гусенок', *daz^əres* (лит. *зazyрес*) 'дребезжащий, хриплый (о голосе)', *dazert^ənə* (лит. *зazyртыны*) 'дребезжать, хрипеть', *dəžə* (лит. *зэзы*) 'ворота', *đužgə* (лит. *зузгы*) 'гребешок; борода (петуха)', *đuž^ənə* (лит. *зузыны*) 'хлебнуть', *doz* (лит. *зоз, зозы*) 'кузнечик', *dubis* (лит. *зубис*) 'приотворенный', *dəs* (лит. *зеч*) 'прочный, крепкий', *dəž^ənə* (лит. *зэзыны*) 'пороть, распороть', *dəškəlan* (лит. *зечкылан*) 'приветствие', *dəškəlanə* (лит. *зечкыланы*) 'приветствовать', *dəškən* (лит. *зечкын*) 'по-хорошему, по-доброму', *dəšjašk^ənə* (лит. *зечъяськыны*) 'льстить, лицемерить', *dəš^əranə* (лит. *зечыраны*) 'качаться на качелях', *dəš^əret* (лит. *зечырет*) 'качели', *dīšə* (лит. *зичы*) 'лиса; лисий', *dīšəjašk^ənə* (лит. *зичыяськыны*) 'хитрить', *đuš* (лит. *зуч*) 'русский', *đuš* (лит. *зүс*) 'скамья, лавка для сиденья или лежанья'.

Отмеченное в бесермянском диалекте явление диссимилятивного характера не имеет широкого распространения в других удмуртских говорах. Совпадение аффрикат \dot{z} , $\dot{ž}$ в согласном *d* и *č*, *č* в *t* известно юго-западному наречию удмуртского языка², но такой четкой закономерности и строгой обусловленности, как в бесермянском диалекте, в юго-западных говорах не наблюдается.

Закономерный переход бесермянских свистящих и шипящих аффрикат в палатальные согласные отличает диалект бесермян от окружающих североудмуртских говоров.

Наряду с этой особенностью, своеобразием языка бесермян является также то, что мягкая аффриката удмуртского литературного языка *č* (орф. *ч*) в середине и конце слова систематически переходит в фрикативный согласный *ś*, например: лит. *кеч* > *keś* 'заяц', *огреч* > *ogreś* 'огурец', сев.-удм. *меč* > *meś* 'мяч', *ачим* > *aśəm* 'я сам', *ачид* > *aśəd* 'ты сам', *ачиз* > *aśez* 'он сам', *кучыран* > *kuś^əran* 'ястреб', *учкыны* > *uśk^ənə* 'смотреть' и т. д. Таким образом формы *зичы* 'лиса', *зуч* 'русский', *зеч* 'добрый, хороший', *зечкын* 'по-доброму, по-хорошему' и т. п. в бесермянском произношении значительно отличаются: *dīšə*, *đuš*, *dəs*, *dəškən*, поскольку здесь происходит переход начальных \dot{z} (лит. *ž*) в *d*

² И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Канд. дисс., Тарту 1958, стр. 146; Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шонминского диалекта удмуртского языка. — Труды МарНИИ, вып. XV, Йошкар-Ола 1961, стр. 135.

и конечного и интервокального *č* (лит. *č*) в *š*. Это обстоятельство усложняет восприятие бесермянской речи удмуртами.

Это восприятие осложнено и тем, что в языке бесермянской этнической группы не различаются аффрикаты и фрикативные согласные внутри группы шипящих, т. е. параллельно употребляются формы с начальными *ž* и *ž*, ср.: *žeganə* ~ *žeganə* 'задержаться', *žog* ~ *žog* 'быстро', *žuk* ~ *žuk* 'каша'. Таково же положение с употреблением согласных *č* и *š*: *čem* ~ *šem* 'часто', *čukna* ~ *šukna* 'утро, утром' и т. п.

Аналогичная мена звуков наблюдается внутри группы свистящих. Так, аффриката *ž* замещается согласным *ž*: *žar* ~ *žar* 'рассвет', *žaret* ~ *žaret* 'бледный, светлый', *žeg* ~ *žeg* 'рожь', *žigar* ~ *žigar* 'сила', *žire* ~ *žire* 'шарнир' и т. д. Как известно, в общепермском языке-основе в начале слова были употребительны аффрикаты. На удмуртской почве они деаффрикатизировались, т. е. перешли во фрикативные, ср. удм. лит. *куж*, коми *кудж* 'куделя', удм. лит. *выжыны*, коми *вуджны* 'перейти', удм. лит. *кузь*, коми *кудз* 'длинный' и т. д.; правда, в отдельных удмуртских диалектах первоначальные аффрикаты сохранились, например, в приитинском³, некоторых средневосточных говорах.⁴ Формы бесермянских слов в этом отношении совпадают с удмуртскими литературными. Однако начальные древнепермские аффрикаты во всех диалектах пермских языков сохранились. В языке этнической группы бесермянских исконные начальные аффрикаты легко замещаются фрикативными.

Из изложенного вытекает, что в употреблении шипящих и свистящих аффрикат бесермянский диалект имеет ряд особенностей: во-первых, в нем наблюдается весьма свободная мена аффрикат фрикативными внутри группы шипящих и свистящих согласных; во-вторых, мягкая аффриката *č* в начале слова переходит в *š*. В отличие от удмуртского литературного и других пермских (коми-зырянского и коми-пермяцкого) языков бесермянский диалект имеет существенную особенность: фонетически обусловленная незыблемая закономерность перехода шипящих и свистящих аффрикат в палатальные согласные.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Moskau)

ERSATZ DER BESSERMÄNISCHEN ZISCH- UND SIBILANTEN-AFFRIKATEN DURCH PALATALE KONSONANTEN

Zisch- und Sibilantenaaffrikaten werden in der Sprache einer besonderen ethnischen Udmurtengruppe — in der Bessermängruppe — in einer bestimmten phonetischen Lage systematisch durch palatale Konsonanten ersetzt: *č*, *č* gehen in einen stimmlosen, palatalen Klusil *č* über (*čež* > *tež* 'Ente', *čuž* > *tuž* 'gelb', *čiži-viži* > *tožo-vožo* 'Verwandtschaft, Verwandte', *českít* > *tesköt* 'süß', *čus* > *tus* 'still, ruhig'). Die Laute *ž*, *ž* werden durch den stimmhaften, palatalen Klusil *d'* ersetzt (*žiž* > *dəž* 'vermodert', *mažes* > *mađes* 'Harke', *žazi* > *dažə* 'Regal', *žazeg* > *dažeg* 'Gans', *žubis* > *dubis* 'halbgeöffnet'). Ein derartiger Lautübergang tritt nur dann auf, wenn einer ethymologischen Affrikate ein frikativer Konsonant (*s*, *š*, *š* oder *ž*) folgt.

Die erwähnte dissimilative Erscheinung des bessermänischen Dialekts der udmurtischen Sprache ist für die sie umringenden nordudmurtischen Dialekte nicht charakteristisch und ist auch den anderen permischen Sprachen nicht eigen. Der Ersatz der Zisch- und Sibilantenaaffrikaten durch palatale Konsonanten ist eine spezifische Eigenheit der Sprache der bessermänischen ethnischen Gruppe.

³ Т. И. Тепляшина, Фонетическая характеристика тыловыйского (приитинского) говора. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. XVIII, Ижевск 1957, стр. 124—127.

⁴ С. К. Бушмакин, Ассимиляция в средневосточных говорах удмуртского языка. — СФУ IV 1968, стр. 275 и др.; I. Тагаканов, Udmurdi keele uvaa-vavoži murrakute rühma hääliluline koostis ja mõned foneetilisi-morfoloogilised erijooned. — ESA IX 1963, стр. 192—193.